Л.А.Миндибекова,
кандидат социологических наук, доцент

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Институт образования в развитых странах Европы и США после окончания Второй мировой войны претерпел заметные изменения. В России они стали значимыми на фоне глубоких системных трансформаций. Возникли новые, по сравнению с советским периодом, образовательные структуры, перераспределились акценты в выполнении социальных, организационно-управленческих и индивидуально-личностных функций.

Образование отражает актуальные и самые острые проблемы окружающей социальной среды. Вектор социологического анализа образовательной сферы российского общества направлен на прогнозирование ее дальнейшего развития, поиск стратегических решений и новых нормативных концепций, возможности локализации этого процесса в социально желательном русле, без крайностей чрезмерных оптимизма и пессимизма. Это заставляет обратиться к основным теоретическим концепциям и тенденциям развития современного общества.

Одним из ведущих направлений в пространстве социологических теорий являются поисковые исследования по выявлению комплекса значимых ценностей информационного общества и системы образования в частности.

Основные теоретические подходы к исследованию информационного общества

Период становления информационного общества совпал с процессом глобализации, который отразил основные вызовы стремительно меняющегося мира: сверхбыстрое развитие электронной коммерции, скоординированность финансовых рынков, развитие наднациональных организаций, трансформация стилей жизни и т.д. Радикальный характер изменений, затрагивающих первоосновы социальной организации жизни людей, не вызывает сомнений. Социальная теория откликнулась на это пересмотром собственных предпосылок, категориальных структур, изменением статуса и задач теоретического знания. В этом приняли участие ведущие социологи

современности – Ю.Хабермас, Ж.Бодрийяр, Э.Гидденс, У.Бек, Н.Луман, И.Кастельс, И.Валлерстайн, Ж.-Ф.Лиотар и др.[1] Об информационном обществе сегодня пишут и отечественные социологи, экономисты, психологи, естествоиспытатели, информационные специалисты. Приверженность определенным подходам, разным дисциплинам влияет на расстановку акцентов и находит выражение в разнообразии предлагаемых трактовок нового состояния социума.

К числу методологически продуктивных социологических подходов к современному обществу сегодня относят формационный, институциональный, структуралистский подходы, а также постмодернизм.

Формационный подход связывается в литературе с марксистской традицией. В.Л.Иноземцев полагает, что марксистская концепция, которая в ее первозданном виде достаточно комплексно и завершенно описывает становление и развитие цивилизации, обеспечивает при этом весьма корректный теоретический и терминологический аппарат для обоснованных оценок существующего положения вещей[2]. В ее рамках успешно раскрывается эволюция института образования на разных стадиях развития социума. Эта концепция может быть непротиворечиво соединена с некоторыми методологическими основаниями современных западных социологических теорий и являться инструментом для анализа основных тенденций, существующих в сегодняшнем мире, в том числе в образовании.

Так, с точки зрения неомарксизма, человеческая деятельность в информационном обществе, не теряя своего разумного характера, утрачивает специфические трудовые мотивы. В центре внимания оказывается особый тип активности, который определяется как творчество, характеризуемое К.Марксом как «скачок из царства необходимости в царство свободы».

---

[1] См.: *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седельника, Н.Федоровой. М., 2000; *Он же.* От индустриального общества к обществу риска / Пер. А.Д.Ковалева // THESIS. 1994. № 5. С. 161—168; *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995; *Валлерстайн И.* Капиталистическая цивилизация // Социология. 1993. №3—4; *Он же.* Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. 1992. № 1; *Гидденс Э.* Социология // Социологические исследования. 1994. № 2; *Он же.* Социология / Пер. с англ. М., 1999; *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999; *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994; *Он же.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. М., 1991; *Хабермас Ю.* Формальная и эмпирическая прагматика // Современная зарубежная социология (70 — 80-е годы). М., 1993. С. 152—164; *Lyotard G.F.* La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir. P., 1979; Les Dispositifs pulsionnels. P., 1980; Le postmoderne explique aux enfants. P., 1986.

[2] См.: *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998.

Современное состояние трансформирующегося социума имеет тенденции к творчеству, гуманизации, пронизано культурными интенциями. Д.П.Грант назвал это новым взаимопереплетением искусств и наук[1].

Законы материального производства, технологического развития, часто рассматриваемые как базисные, таковыми не являются, ибо не определяют закономерности эволюции социальных отношений в силу своей необратимости и однонаправленности. Тем более что и сама социальная эволюция сегодня не является линейным и безвозвратным прогрессом[2]. Сегодня мы переходим к обществу, основные закономерности которого лежат в социологической системе координат, к социуму, в котором доминируют сугубо личностные связи и отношения. Таким образом, в новой формации впервые в истории не общественные отношения определяют субъективные характеристики и системы предпочтений индивидов, а наоборот. Это накладывает особую ответственность на институт образования, в котором происходит первичный процесс социализации индивидов.

Востребованность наследия К.Маркса присутствует и в разработках новых концептуальных средств для анализа многих аспектов социального развития. Так, в концепции Н.Моузелиса методологическим ядром является понятие способа доминирования, который позволяет систематизировать связи между политическими технологиями, способом их присвоения и формами их легитимации. «Между материальным базисом и всего лишь идеями, – пишет Н.Моузелис, – располагается обширный и густо заселенный ареал институциональной жизни, и категория способа господства… призвана напоминать социальным исследователям… о существовании политических технологий, отношений доминирования и политических идеологий, которые могут играть не меньшую, а может быть и более значительную роль в объяснении микроисторических трансформаций, чем производительные силы и производственные отношения»[3]. Методологически важным здесь выступает указание на всеобщий характер процесса институционализации современной жизни, в том числе и образовательной.

Изучение влияния средств массовой информации и коммуникации на человеческое сознание и бессознательное позволяет выйти на новые методологические аспекты изучения системы образования формирующегося информационного общества. Так, С.Жижек

---

[1] См.: Новая технократическая волна на Западе: Сб. статей. М., 2000. С. 159.

[2] См.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.

[3] *Mouzelis N.P.* Post-Marxist alternatives: the construction of social orders. L., 1990. P. 79.

полемизирует с К.Марксом по поводу его представлений об идеологии как ложном сознании, как о «наивном непонимании человеком своих реальных причин и действий»[1] и считает неверным мнение, что современность ознаменована «концом идеологии». Аксиологическая (ценностная) и мировоззренческая (идеологическая) интерпретация действительности является стержнем информационного общества с его широким использованием рекламы, Интернета, public relations и т.п. Ценности и интерпретативно-идеологические конструкты часто основаны на бессознательных эмоциях, являются неустранимыми и имманентно присущими человеческому сознанию, и определяют поведение, в том числе и семейно-брачное.

Коммуникативное пространство общества насыщено мифами, символами, идеологемами, которые регулировали и нормировали массовое сознание в прежние эпохи. Сегодня ими наполнены, например, отечественные рекламные ролики, предлагающие товары как «панацею от всех бед», как залог успешной карьеры, личного счастья. Исследовательское внимание к этим аспектам формирования информационного общества позволит распознавать и контролировать пропагандистскую направленность идеологических посланий, которые латентно заключены в любой информации, и учитывать это при анализе латентных аспектов идеологического и образовательного механизма[2].

Неоструктуралистский подход имеет исходным методологическим основанием интерпретацию общества как целостной самоорганизующейся системы при явно выраженном примате функции над структурой. Здесь наиболее интересна теоретическая модель Н.Лумана[3], которая удачно вписывается в популярную ныне синергетическую концепцию изменения общества через его самоорганизацию и позволяет выявить элементы самоорганизации в образовательном процессе.

Социальная парадигма Н.Лумана пронизана стремлением синтезировать теоретические ресурсы, привнесенные извне: теории социальных систем, социология познания, теории структурализма, символического интеракционизма, коммуникации, эволюции и пр. Этот междисциплинарный подход предлагает положить в основу но-

---

[1] *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 35; *Он же.* Никакого пола, пожалуйста, мы — пост-люди! / Пер. З.Губернской // http://www.lacan.com/nosex.htm.

[2] См.: *Бурдье П.* Кодификация // *Бурдье П.* Начала. М., 1994. С. 71.

[3] См.: *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. С. 203.

вой парадигмы социологии образования понятие «коммуникация» и определяет ее как изначально социальную операцию, так как для ее осуществления требуются, как минимум, два субъекта[1]. В интерпретации Лумана коммуникация и создается людьми, и используется ими, но при этом не ориентируется на неизменные единые для всех нормы: «Общество состоит не из личностей, а из коммуникации между ними. Не человечество, а система коммуникации выборочно интегрирует социальный потенциал людей. Эта система обладает собственной реальностью и собственной автономией»[2]. Это положение об интегрирующей роли коммуникации заставляет обратить внимание на важную роль образования как основной способ производства, распространения и сохранения социальной информации.

Общество дифференцировано на подсистемы (сети) таким образом, что «ни одна из подсистем не может выйти из собственного свойственного ей кода, чтобы проанализировать другие подсистемы»[3]. Коды, наборы символов, понятий, норм, согласно Луману, это катализаторы самоорганизации общества, они развиваются по собственной внутренней логике и понять их можно лишь в рамках их собственного контекста. Несмотря на некоторую апологетику системы понятий (кодов, символов), на наш взгляд, этот подход позволяет обратить внимание исследователей на понятийно-ценностный спектр взаимоотношений между отдельными образовательными структурами и разговорные формы его представления.

В последние десятилетия получила распространение концепция постмодернизма З.Баумана[4], которая зафиксировала возросшее влияние знания и культуры на социальные трансформации и состояние человеческого сознания и поведения, социокультурные мегатенденции превращения мира в единое эклектическое сетевое пространство на основе обменной деятельности социальных субъектов. Это проявляется в многообразии форм социальной самоорганизации, сохранении и возрождении религиозных конфессий, формировании различных сетевых структур в различных сферах об-

---

[1] *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М. 1998. С. 215—216.

[2] *Цит. по: Посконина О.В. Общественно-политическая теория* Н.Лумана: *методологический аспект. Ижевск, 1997. С. 105.*

[3] Цит. по: *Посконина О.В.* Общественно-политическая теория Н.Лумана… С. 135.

[4] См. подробнее: Теория общества: фундаментальные проблемы. М., 1999; *Бауман З.* Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов. Часть 1, 2 // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). Сайт: http://www.nz-online.ru/index.phtml.

ществ. В России в качестве структурообразующих сообществ часто выступают дружеские профессиональные и межпрофессиональные взаимосвязи, что увеличивает необходимость анализа взаимодействий людей в рамках системы профессионального образования и позволяет осмыслить многие проблемы и противоречия между ними.

Канадский социолог М.Маклюэн отмечает, что доминирующие типы коммуникации корреспондируют с определенными социокультурными составляющими эпохи[1]. Эта методология показывает возможности и рамки сравнительного анализа передачи, распространения, изменения социокультурного капитала между различными поколениями современных преподавателей, нацеливает исследователей на необходимость учета этнических, культурных и прочих традиций и трансформаций в ходе анализа образовательных проблем.

Пространство и время как бы сжались в новой глобальной культуре. Э.Гидденс выделяет среди особенностей нашего времени «пространственно-временное дистанцирование» транслируемых форм культуры от их изначального контекста. Постмодернизм акцентирует не столько культурные составляющие человеческой жизни, сколько доминирование личностных черт над социальными, которое оказалось столь сильным, что привело к возникновению общностей типа «массы», не являющихся реальным социальным субъектом[2]. В постмодернистской парадигме специфический способ личностного самовыражения в потреблении трактуется не как потребление благ и услуг, а как высоко индивидуализированное постижение (освоение, присвоение и т.д.) культурных форм, статусных состояний, знаковой (символической) ценности, что невозможно без участия системы образования.

Преемственность и инновации в образовании

Для исследования современной системы образования принципиально важно, что постмодернизм предлагает свое видение механизма взаимодействия между людьми. Ж.Бодрийяр[3] назвал его «симуляционными моделями». Значения формируются не за счет соотнесения с некоторыми стандартами, с независимой реальностью, а за счет соотнесения с другими знаками, символами. Так, ценность образования в мнениях респондентов можно определить, лишь сравнивая ее с той значимостью, которая придается ими другим фундаментальным институтам образования – религии, семье и пр.

---

[1] См.: Теория общества: фундаментальные проблемы. М., 1999. С . 191.
[2] *Гидденс Э.* Социология // Социологические исследования. 1994. № 2.
[3] См.: *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995.

Ситуация постмодернизма – это существование одновременно множества кодов, которые не являются едиными для всех и которые вызывают фрагментацию и отчужденность социальных отношений. Поэтому для культуры постмодернизма характерно усиление роли «мягких» посредников, толкователей, которые «снимают» естественно отчужденные отношения. Именно этим можно объяснить популярность на Западе института психоаналитики, функции которого в России отчасти выполняет религия, отчасти – дружеские беседы, или алкоголь. В рамках системы образования такими «посредниками» выступают представители старших поколений – учителя, помогая учащимся органично войти во взрослый мир, или сверстники, расширяющие друг для друга информационно-контактное поле взаимодействий.

Теоретики постмодернизма (Ж.Бодрийяр) одними из первых указали на опасности, подстерегающие человека в информационном обществе. Ими осмыслены парадоксы работы с компьютером, которые сказываются и на взаимоотношениях поколений в семье; аудитория Интернета и формы социокультурного взаимодействия между людьми при обмене социальной информацией (феномен компьютерного отчуждения); понятие «виртуальной реальности», симулирующей действительность (в том числе общение, любовь, секс и пр.) и превращающей человека в объект манипулирования, а также проблемы предотвращения несанкционированного доступа к приватной информации, этических аспектов интеллектуальной собственности, неконтролируемости распространения заведомо ложных данных.

Актуальная и новая тема исследования социологической науки – «цифровой раскол» (digital divide) – расслоение преподавателей, ученых, профессионалов, студентов по принципу вовлеченности в мир современных технологий и, как следствие, информационная маргинализация значительной части населения. Элитарная по сути система интернет-услуг вызывает новый вид социального неравенства между индивидами, социальными категориями, странами. Наконец, распространение информационно-коммуникационных технологий меняет ситуацию в фундаментальной науке, которую осмысливает социология науки и когнитивная социология. В методологическом плане появляются новые подходы, в частности, «управление знаниями» (knowledge management), «понятийные сети» (knowledge networks).

Вместе с тем нельзя не видеть методологических ограничений данных «декомпозиционных», по выражению А.Турена[1], подходов,

[1] См.: *Турен А.* Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М., 1998.

которые обосновывают замену социальных теорий рациональным нарративом «местных рассказчиков». Это сопряжено с ощущением утраты глобальных социальных перспектив в развитии межпоколенческой трансмиссии в рамках института семьи.

Согласно информационной концепции, которая, в свою очередь, берет начало в теории коммуникаций, реальность тождественна информации. В рамках такой парадигмы человеческая личность сводится к заключенной в ней сумме информации. З.Бауман писал: «Никогда прежде жизнь не была так изменчива. Теперь умение извлекать информацию и делать из нее необходимые выводы, а также умение менять способы извлечения информации в соответствии с обстоятельствами становится намного важнее самого содержания этой информации»[1]. Это методологически важное замечание показывает необходимость изменения приоритетов в анализе функциональных аспектов образования в обществе, помогает заметить и понять тенденцию сужения рамок значимости практического опыта предшествующих поколений преподавателей.

Понятие информационного общества указывает на основу социальной организации – информация и знания. Информация социальна по своей природе. Ее носителем являются субъекты – представители различных поколений, каждый из которых несет в себе «отпечаток» своей семьи. Именно здесь человек получает первую в жизни информацию, учится ее производить, хранить, реализовать, распространять. Главным становится управление не материальными объектами, а символами, идеями, образами, интеллектом. Большинство работающих занято производством, хранением и реализацией информации, особенно ее высшей формы – знания[2]. Именно обработанная информация как знание имеет практическое значение для социума, что предполагает постепенное смещение акцентов в образовании человеческого капитала от материальных ценностей, практического опыта и навыков в сторону аналитических алгоритмов научных знаний.

Социальная организация в значительной мере – это организация информации. Она становится возможной при осуществлении определенных трансмиссионных форм обмена информацией между поколениями семьи, общества. Поэтому информацию можно считать элементарной функцией профессионального и личностного взаимодействия. Она изменяет общество на каждом структурном уровне

---

[1] *Бауман З.* Цена университета? Узнайте на рынке! // Первое сентября. 2002. № 70. См. также: http://ps.1september.ru/article.php?ID=200207015.

[2] См.: Новая технократическая волна на Западе: Сб. статей. М., 2000. С. 159.

его организации. В полной мере это относится и к институту образования.

Умение добывать, накапливать и использовать информацию – условие развития социума. Для старших поколений вузовских работников характерно традиционное понимание информации как содержательного описания объекта или явления. Именно они призваны сохранять и передавать социокультурное и иное наследие потомкам в виде традиций, ритуалов преемственности и пр. Для среднего и младшего поколений ученых, студентов информация – это средство передачи разнообразия. На подобном определении, введенном У.Эшби, основана «качественная», или «ценностная», теория информации, призванная учитывать смысловое и эстетическое содержание информации, ее ценностный потенциал. Выработка новой разнообразной информации чаще всего – прерогатива молодежи. Позиции экспертов, аналитиков выполняет среднее поколение. Сохранение культурного разнообразия представляется в этой связи одной из проблем и задач среднего поколения ученых и преподавателей информационного общества.

Согласно Ю.Хабермасу, принципиальное отличие коммуникативного действия от прочих видов состоит в том, что оно ориентировано на нахождение взаимопонимания между социальными субъектами. Подлинная коммуникация есть механизм координации взаимодействующих равноправных социальных субъектов, объединенных не только общими потоками сведений, но и едиными нормами и ценностями, регулирующими процесс обмена сообщениями и их общее понимание[1]. Это, на первый взгляд, противоречит теории «символических кодов» Н.Лумана. Однако, на наш взгляд, речь идет о соотношении общих (универсальных) и частных (сетевых) кодов, символов и ценностей, определяющих единство разнообразия окружающего мира. Это имеет важное методологическое значение для понимания функционирования механизма инноваций и преемственности (трансмиссии) как регулятора отношений между преподавателями и учащимися как равноправными субъектами образовательного процесса.

Осмысление сегодняшней ситуации в обществе, в образовании, понимание тенденций их развития невозможны без учета тесной связи проблематики информационного общества с концептуальным полем глобалистики. Глобализация есть результат важных процессов обмена информацией со всем миром. Одним из его выражений в сфере образования является Болонский процесс. Основным

[1] См.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000; Теория общества: фундаментальные проблемы. М., 1999.

противоречием формирующегося информационного общества является противоречие между глобализацией мира и самобытностью (идентичностью) конкретного сообщества, между нивелирующим технологизмом виртуального пространства и присутствием в нем малых социальных, этнических и культурных групп, индивидов, претендующих на сохранение приватности.

По мнению М.Кастельса, сетевые структуры являются одновременно и средством, и результатом глобализации общества. «Новая самобытность, устремленная в будущее, возникает не из былой самобытности гражданского общества, которой характеризовалась индустриальная эпоха, а из развития сегодняшней самобытности сопротивления»[1].

К субъектам этого сопротивления отнесены прежде всего религиозные, экологические, женские (феминистские) организации и движения. С критической точки зрения глобализация трактуется сегодня как изменяющийся баланс сил в современном мире, снижающий роль традиционных политических социокультурных инструментов. Н.Луман справедливо ставит вопрос: не придется ли нам в связи с появлением глобальной мировой системы изменять традиционное значение понятия «общество»? Он полагает, что современное общество в настоящее время находится в фазе «турбулентной эволюции» без предсказуемых результатов. Есть опасность, что общество примет «метакод» включения/исключения, когда некоторое люди будут личностями, а другие только индивидами[2].

Глобализация не столько формирует некий единый мир, сколько, напротив, скрывает нарастающую фрагментацию цивилизации и является, по мысли З.Баумана, «продуктом индивидуализированного общества». Мнению о том, что глобализация создает черты нового «сетевого мира», в котором связываются все государства и нации, З.Бауман противопоставляет тезис о глобализирующемся мире как жестко управляемом из единого центра. Глобализация есть не что иное, как «тоталитарное проникновение логики глобальных финансовых рынков во все аспекты жизни»[3].

В оригинальной концепции современности, предложенной Э.Гидденсом, общество предстает как продукт двух взаимопроникающих процессов: глобализации и глубокой детрадиционализации социаль-

---

[1] *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999. С. 300.

[2] См. там же. С. 96.

[3] *Bauman Z.* The Individualized Society. Cambridge, 2001. P. 191. См. также: *Бауман З.* Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки: Ежегодник. Вып. 1. М., 1991. С. 28 — 48.

ной жизни. Э.Гидденс, как и З.Бауман, отождествляет глобализацию социальной жизни с «электронным капитализмом» и ростом массовой мобильности[1]. По Гидденсу, глобализация означает интенсификацию социальных отношений всемирного масштаба, связанную с действием на расстоянии, благодаря появлению средств мгновенной глобальной коммуникации и массовых перевозок. Механизированные технологии коммуникации вступают в конфликт с растущей потребностью в локальной автономии и культурной идентичности, связанной с понятием традиции как продуктом непрерывной интерпретации, связывающей настоящее с прошлым, в первую очередь в рамках семьи. «Традиция тесно связана с памятью, она содержит элемент ритуала; она имеет дело с тем, что можно назвать формульным понятием истины; она имеет своих хранителей; она обладает… обязывающей моральной и эмоциональной силой», – полагает Э.Гидденс[2]. Отсюда вытекает необходимость глубокого анализа противоречия между инновациями и преемственностью в функционировании современного института образования как системы.

Самым стабильным из хранителей традиции, преемственности по-прежнему остается язык и его коммуникативные возможности в поддержании стремления к национальной и культурной идентичности. М.Кастельс отмечает: «Язык, особенно полноценно развитый, остается основополагающим атрибутом самоутверждения и истэблишментом (основанием) для невидимых национальных границ, менее условных, чем территориальность, и менее эксклюзивных, чем этническая общность. Это хорошо проявляется в исторической перспективе, потому что язык обеспечивает связь между личностной и общественными сферами, между прошлым и настоящим независимо от фактического признания культурной общности государственными учреждениями. Языковые факторы, таким образом, становятся основой многих современных форм национализма, которые формируются вне государственных границ и чаще всего являются более культурными, чем политическими, и поэтому более ориентированными на защиту уже сложившихся традиций культуры, чем на создание и защиту государства»[3].

В чистом виде информационное общество не существует нигде в современном мире, и маловероятно его появление в будущем. Речь скорее идет о новой стадии («волне» в терминологии О.Тоффлера[4]) ин-

---

[1] См.: *Гидденс Э.* Социология // Социологические исследования. 1994. № 2.
[2] Теория общества: фундаментальные проблемы. С. 124.
[3] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 21.
[4] *Тоффлер О.* Проблемы власти на пороге XXI века // Свободная мысль. 1992. № 6.

дустриализации, породившей индустриально-информационное общество, в котором существует паритет между новыми и традиционными ценностями и социальными механизмами. Обосновывать концепцию информационного общества как эволюционное продолжение индустриального общества склонны и другие авторы, в частности, Й.Масуда, Ф.Махлуп[1]. Ясно, что структура информационного общества сложнее, чем структура предшествующих обществ. М.Кастельс указывает на «…атрибут особой формы социальной организации, в которой создание информации, ее обработка и передача становятся фундаментальными источниками… власти, благодаря возникновению… новых технологических условий»[2]. Из этого следует понимание информационного общества как новой формы цивилизации, генерирующей современные структуры (в том числе и новые формы в образовании), и соответствующие социальные механизмы решения проблем, связанных с изменением и развитием информационного контекста жизнедеятельности. Многие из этих механизмов, такие как, например, инновации и преемственность в системе образования, находятся в латентной форме и требуют адекватного анализа и оценки.

Картины современной развивающейся реальности обозначают свои новые границы, этот процесс должен носить более взвешенный характер. Футурологический контекст данной проблематики необходимо переводить в прагматическое русло. Задачи для теоретического осмысления уже поставлены самим фактом существования информационно-коммуникационных технологий. Они уже сегодня определяют образ жизнедеятельности людей во всех сферах, в том числе образовательной, что требует изучения аудитории Интернета и формы социокультурного взаимодействия между людьми при обмене социальной информацией, изменения систем ценностей и приоритетов развития системы образования (интернетный стиль жизни; информационное поведение, грамотность, культура, общение; компьютерофобия; глобализация социальных процессов и их столкновение с приватным жизненным миром; «цифровой» раскол; информационные войны; компьютерная преступность; антиглобализм и т.д.) Настораживающие тенденции связаны с замещением духовной культуры узкопрофессиональными знаниями, деформацией досуга, ориентацией на потребительную развлекательность, вытеснением реального живого общения, изменением характера че-

[1] Подробнее см.: *Мясникова Л.А.* Экономика постмодернизма и отношения собственности // Вопросы философии. 2002. № 7.

[2] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 35.

ловеческого мышления от творческого к инструментальному и формализованному.

Таким образом, становление общества на основе информационно-коммуникационных технологий ознаменовало появление новых социальных подходов, связанных с понятием информационного общества. Само понятие «информационное общество» стало работающим и формирующим новые социальные ценности, глубоко проникающие в канву социальной жизни и трансформирующее понимание многих ее аспектов, в том числе в социологии образования.